проштрафились, надо бы и их на «цугундер» позвать. И сказать: «Вы

либо честпо заплатите, либо вас судить будем».

Ну так в том-то и дело. Короче говоря, братья-единомышленники, товарищи коммунисты! Давайте одумаемся! Что это мы идем-то туда, да не туда заворачиваем, очень многие из нас не туда заворачивают. Я вам могу единственное пообещать, что на М. я буду давить своим весом, всеми пятью пудами, чтобы он, так сказать, с вас и стружку сымал, и пенку сымал, и чтобы вы почувствовали, что в Вешенском районе руководство есть, а не либералы, которые все прощают и еще норовят носовым платочком слезы утирать этим хапугам, растратчикам, пьяницам и всякой остальной сволочи...

Я вам пожелаю всего доброго. И давайте с этим злом бороться понастоящему. И так вкалывать один другому, если за борозду перелез, чтоб навсегда запомнил и внукам заказал. Вот наша задача в

области идеологии. (Аплодисменты.)

Публикацию подготовил В. Скорятин лого возраста, нестолько консервативны. Над пами слишком довлеко

Мартти Ларни

ОГРОМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В Финляндии провел несколько дней Михаил Александрович Шолохов, выезжавший на отдых в дружественную страну. Он встречался с известным финским писателем Мартти Ларни.

Корреспондент «Огонька» Г. Гурков позвонил в Хельсинки и по-

просил Мартти Ларни рассказать об этой встрече.

- Вы уже давно знакомы с Михаилом Александровичем, не прав-
- О да! Я был его гостем в Вешенской. Должен сказать, что это незабываемые для меня дни. Шолохов - огромный писатель. Но кроме того, он великолепный человек. Его широта души, его юмор, его обаяние удивительны. Я с большой радостью приветствовал его у себя в доме.

 — Могу я спросить вас, о чем была беседа?
- Мы разговаривали о многом. О жизни, о мире, о писательской работе. Шолохов — интереснейший собеседник, блестящий рассказчик, эмомук и хиндутворатурных и хуломе, эмоган и хуломе, эмомук и канадатурных и жизоватурных и жуломе.
- Как финский читатель относится к произведениям М.А. Шолохова?
- Они очень популярны в Финляндии. В последние годы вышло несколько изданий, и все они имели большой успех.
- Собираетесь ли вы писать о встрече с Шолоховым?
- Да.Пришлите статью нам, в «Огонек». Хорошо?
 - Договорились! Привет всем друзьям в Советском Союзе.

БЕСЕДУЯ С ШОЛОХОВЫМ

В прошлом году Михаил Шолохов побывал в Финляндии еще раз. Поскольку мы к тому времени были уже хорошо знакомы, нам не пришлось слишком долго разговаривать о прекрасной погоде и обмениваться общими фразами, с помощью которых обычно заполняют пустоту. Итак, мы прямо перешли к вопросам нашей профессии. Меня, в частности, интересовали те новые веяния в искусстве и литературе, которые в последние годы чувствуются как в Советском Союзе, так и в других странах.

— Я никогда не был противником чего-либо пового и обновляющего, — сказал Михаил Александрович Шолохов, — однако само по себе слово «модерн» еще не делает вещь художественным произ-

ведением, а заумность — это не то же самое, что глубина.

— Мне кажется, — ответил я скептически, — что мы, писатели зрелого возраста, несколько консервативны. Над нами слишком довлеют возвышенные идеи и высокие идеалы. Мы осуждаем разрекламированное на Западе вздорное и суетное чтиво, хотя и видим, что миллионы читателей наших дней довольны такой духовной пищей и лучшей не требуют. Мы относимся отрицательно к порнографии, к бездумности. Может быть, мы отстали от времени? Нам бы следовало, вероятно, понять, что добродетельный и уравновешенный человек нынче стал старомоден и скучен, тогда как дерзкий и порочный вызывает большой интерес. Как ты думаешь, Михаил, не переменить ли нам стиль?

В глазах Шолохова сверкнуло пламя, и он ответил с усмешкой:

- Не будь циником, брат Мартти! Я не могу понять, почему на Западе столько шумят вокруг новейших порнографических романов. Порнография никогда не была и не будет искусством. Изображая эротику, писатель ставит как бы на острие ножа интимное и прекрасное в человеке. Но писатель не имеет права рапить читателя этим ножом. Писатель не должен, по-моему, изображать человеческие слабости и пороки просто как таковые, ради их самих, а только ради того, чтобы показать их гибельность.

- Но нынешние критики и читатели считают такой взгляд устаоте. Полохов - антересненция собеседи

ревшим.

— Пусть их считают! В советских литературных и художественных кругах в последнее время велась своего рода борьба идей между так называемым старым и так называемым модернистским искусством. Представители обоих направлений встречаются друг с другом. Каждый может свободно выражать свое мнение — как сердитые молодые люди, так и заслуженные художники и писатели. Такую свободу идей я считаю подлинной свободой. Будущее, во всяком случае, покажет, чьи произведения сохранят свою ценность, а чьи отцветут и забудутся, как только пройдет переменчивая мода...

Незаметно разговор перешел к отношениям между Советским Союзом и Финляндией, к культурным связям между нашими странами. Шолохов с сожалением говорил о том, что мало знает финскую, а тем более молодую финскую литературу, поскольку до сих порона еще мало переводилась на русский язык. Но может быть, укрепление культурных связей с течением времени восполнит этот пробел. В Финляндии мы сравнительно хорошо знакомы и с классической и с новейшей литературой великой соседней страны. У нас, к счастью, есть молодые способные переводчики, которые служат связными литературы. Финские писатели очень довольны, что в Советском Союзе есть такой талантливый переводчик, как Владимир Богачев, тонкий знаток языка и виртуозный стилист, который в последние годы успешно переводит на русский язык финские стихи и прозу.

— Личные встречи и непосредственные беседы помогают укреплению наших отношений, — говорит Михаил Шолохов. — Писатели и деятели искусства — лучшие послы культуры, потому что они не испытывают официальной скованности и, как бы горячо они ни спорили, их споры — мирные споры. Зная многих финских писателей, я заметил, что пресловутая замкнутость и неразговорчивость финнов — это не более как миф. Посмотришь на итальянцев — они, внешне такие оживленные и горячие, часто бывают внутренне холодными. Вы же, финны, наоборот, внутренне эмоциональны, сердечны, хотя и любите носить каменную маску замкнутости.

Мне кажется, что Михаил Шолохов верно почувствовал финский национальный характер. Это неправда, конечно, что у каждого финна нож в рукаве; что финн, как выпьет, так и в драку лезет, боясь, чтобы добрый хмель не пропал зазря; что финны укорачивают свой век водкой, баней и спортом; что самое тяжкое бремя финского характера — подозрительность. О различиях и сходстве финского и русского характера мы с Шолоховым говорили не раз, когда я гостил у него в станице Вешенской в июле прошлого года.

Неделя, проведенная на берегах Тихого Дона, явилась большим событием в моей жизни. Могучая шолоховская эпопея казачества и сам автор ее, счастливо соединяющий в себе огненный казачий темперамент и нежный славянский лиризм, стали мне еще ближе и роднее.

Перелистывая страницы моего вешенского дневника, я хотел бы

Перелистывая страницы моего вешенского дневника, я хотел бы процитировать следующие строки из него:

«Мы просидели весь вечер у Тихого Дона и говорили о долге и правах писателя. Михаил опять был в чутком возбуждении рассказчика и поразительно описывал суровые годы своих «университетов». Наш английский друг Роджер Лаббок (английский издатель Шолохова) сказал мне утром, что теперь ему открылось подлинное лицо Михаила Шолохова как человека и как писателя. «Ведь он же пророк и провидец, — сказал Лаббок. — У него лишь одно призвание

409

и цель в жизни: изображать человека как индивидуальность и как часть огромного целого». Я совершенно согласен с Лаббоком. Мне понятна любовь Шолохова к Дону, к его природе и людям. Дон для него не просто черная плодородная земля и желтый бесплодный песок. Дон — это живое, одухотворенное целое. Человек, которого до слез волнует воспоминание о тяжелых боях за свободу родины, это не только солдат и не только пламенный патриот — это поэт, для которого родина его собственная плоть и кровь...»

Эти несколько патетические дневниковые заметки напоминают мне о многих минутах, проведенных в беседах с Шолоховым, окрашенных особым русским юмором, со смешными притчами и ласковой иронией. Часто мои друзья и знакомые спрашивают меня: «Как же ты мог часами разговаривать с Шолоховым, если у вас даже нет общего языка?» На это я должен честно ответить:

- Конечно, мы говорим через переводчика, но когда тема увлекает нас, тогда мы уже говорим на одном и том же языке, хотя, может быть, и на несколько различных его наречиях: это такой интуитивный язык человечности, в котором звук голоса, глаза и руки часто могут сказать больше, чем все слова.

На этом же своеобразном языке мы продолжали начатый на Дону разговор, когда Михаил Александрович и Мария Петровна были в гостях у меня дома, в Хельсинки, несколько недель тому назад. Это был уже седьмой приезд Шолохова в Финляндию. Здесь он чувствует себя как дома. В нашей стране у него много благодарных читателей, которые с нетерпением ждут его новых книг.

Вспоминаю пресс-конференцию в Хельсинки (с тех пор уже прошло пять лет), где некий представитель большой газеты задал Шолохову вопрос:

— О чем советский писатель может писать?

Шолохов удивленно тряхнул головой и сказал:

— Насколько я знаю, у всех писателей объект один: человек. Что же еще достойно внимания, если не человек, его радости и горе, его борьба и его возможные победы?

Михаил Александрович не слышал тогда, что я со своей стороны сказал этому журналисту:

- Вы, разумеется, считаете человека слишком ничтожным объектом, поскольку на свете так много людишек и так мало людей. Если бы Дарвин был жив еще, он, наверно, переписал бы заново свою эволюционную теорию, доказав, что обезьяна произошла от че-

Уязвленный журналист резко повернулся и вышел вон. Может быть, он поспешил в книжный магазин, чтобы купить книгу Дарвина? Но пресс-конференция продолжалась и без него. А когда она кончилась, все присутствовавшие должны были признать, что Михаил Шолохов представляет собою явление, редкое для наших северных широт: он не только хорошо пишет, но и хорошо умеет говорить. Это же наблюдение сделал и я. Я вновь убедился в этом в конце февраля, когда мы наперебой говорили шесть часов подряд. Летом мы намерены побить этот наш рекорд — либо на Дону, либо в Хельсинки.

ДОНСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЕСНА

Успешно прошла Донская музыкальная веспа. В Ростов прибыла группа композиторов Москвы и других городов во главе с первым секретарем Союза композиторов РСФСР, лауреатом Ленинской премии, народным артистом СССР Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

В окрестностях города состоялась встреча Д.Д. Шостаковича с Михаилом Александровичем Шолоховым.

— Я очень рад этой встрече, — сказал Михаил Александрович. Завязалась оживленная творческая беседа. Речь шла о путях дальнейшего развития современной музыки, о советской опере. Д.Д. Шостакович рассказал писателю о том, что начал работать над оперой «Тихий Дон». Шолохов подчеркнул, что для него это является большой честью.

Михаил Шолохов

«С РАДОСТЬЮ ПРИНЯЛ ПРИГЛАШЕНИЕ»

Вчера по приглашению председателя Государственного совета ГДР В. Ульбрихта и Союза немецких писателей из Москвы в Берлин вылетел Михаил Александрович Шолохов. Перед отлетом из Москвы М.А. Шолохов сказал корреспонденту «Литературной газеты»:

— Я с радостью принял приглашение посетить Германскую Демократическую Республику. Я был в Германии давно, более тридцати лет назад, в 1930 году. Тогда я ехал к А.М. Горькому в Сорренто, но не смог доехать до места в связи с тем, что итальянские власти мне отказали в визе. Ожидая визу, я совершил поездку по Германии.

На земле Германской Демократической Республики мне предстоит увидеть обновленные города и селения, встретиться с рабочими и крестьянами. Само собой разумеется, что меня ожидают встречи и беседы со старыми и молодыми немецкими писателями, за творчеством которых я по возможности внимательно слежу. В одном из северных районов ГДР находится кооператив, который удостоил меня чести носить мое имя. Я переписываюсь с членами кооператива и постараюсь побывать в нем, чтобы поглядеть, как они хозяйствуют. Поміно, с удовольствием прочитал вступительную статью Анатолия Калинина «Время «Тихого Дона»... Как там у него: «Раскатом вешнего грома над степью прозвучала первая книга «Тихого Дона».

Зачитался и не заметил, когда Шолохов «расправился» с секретной почтой. Поднял глаза, а он стоит возле стола, полмыливая папироской. Па дана в подпасно в по

Михаил Александрович взял у меня из рук первый том «Тихого Дона», наклонился над столом и прямо поперек названия «Тихий Дон» на титульном листе написал: «Губанову Г.В. — вешенскому казаку на память М. Шолохов. 8.04.78 г.»

Есть у меня и «Поднятая целина», и «Лазоревая степь» с дарственными надписями М.А. Шолохова. Но дело-то не в количестве книг с автографами гениального земляка, а в том, что каждая книга, каждая строка, — да что там строка: каждое слово Писателя! каждый миг напоминают о незабываемых встречах, согревают душу и, если хотите, помогают выживать в наше тяжкое смутное время. Стыдно ныть, когда в такие мгновения перед глазами встает светлый образ мудрого Человека, который столько вынес и перестрадал, что твои горести кажутся легким лепестком вишневого цвета, падающего на казачьей кровью политую землю... И воздух становится чище, и жить становится легче! отобото при водинения общения общения

В ТЕАТРЕ ГОРЬКОГО

ской среде партийных работников. Помию, Полоков с первых минут Более чем за тридцать лет мне трижды довелось присутствовать на встречах Михаила Александровича с артистами театра и кино: на съемках фильма «Судьба человека», на премьере киноэпопеи «Тихий Дон» в станице Вешенской и в театре имени Горького в Ростове-на-Дону... на майские праздники я из Ленинграда, где тогда учился, при-

ехал в Ростов-на-Дону. Надо было заранее договориться с какойнибудь из газет, где можно было бы подработать во время летних каникул: стипендия была скромной, если не сказать - скудной, а у меня уже — жена, сын, словом, семья. Заглянул на Буденновский, к редактору областной газеты А.М. Суичмезову. Александр Михайлович знал меня еще по работе в вешенской районной газете и по публикациям в «Молоте». Пообещав «не оставить молодого коллегу и земляка без хлеба насущного», редактор стал торопливо собирать какие-то бумаги со стола в коричневую кожаную папку с замкомзмейкой: Неум скупским чему выненьях и тольканой волосу полост

— У нас такое событие! Позарез надо лично присутствовать. Да никаких секретов... В театре Горького «Поднятую целину» решили ставить... Михаил Александрович Шолохов приехал на встречу.

Не сразу, но упросил Суичмезова взять меня с собой на том условии, что я не стану рта открывать и буду «ниже травы и тише воды». Это было 8 мая 1963 года. Не скажу, что на встрече был «узкий круг», но и массовым то собрание назвать нельзя. Словом, на встрече были те, кого партийные идеологи сочли возможным пригласить, да кто, как я, сам сумел проникнуть в зал.

В печати тогда пространных публикаций об этой встрече не было. Я пристроился к землякам и уехал с ними на родину, в Вешенскую. Шолохов, по-моему, тогда остался в Ростове. Об этой встрече мне

никогда до этого не приходилось писать.

Как пришлось позже сожалеть, что не было с собой магнитофона! Записи в блокноте остались непростительно скудными: не думал в те мгновения, что когда-то «все это» понадобится. Теперь — через десятилетия! — о том далеком, но памятном для меня событии можно рассказать с точностью почти до единого слова. Дело в том, что, спустя 27 лет, 9 января 1990 года мой земляк Григорий Сивоволов — автор книг о Шолохове и героях его произведений («Тихий Дон»: рассказы о прототипах» и «Михаил Шолохов. Страницы биографии». Эти книги с автографами Г. Сивоволова хранятся в нашей семейной библиотеке) - подарил мне стенограмму встречи М.А. Шолохова с коллективом Ростовского театра имени Горького, а также с писателями, научными работниками, работниками идеологического отдела обкома КПСС, культпросветучреждений. Стенограмма стала неоценимым подспорьем к моим записям той давней встречи, что хранились в блокноте. Разговор на встрече повел тогдашний идеолог области Михаил Фоменко - один из наиболее интеллигентных и уважаемых в творческой среде партийных работников. Помню, Шолохов с первых минут как-то полушутя сразу снял налет официоза...

Михаил Кузьмич поправил очки в тонкой изящной оправе, бегло

окинул цепким взглядом присутствующих:

— Мы с вами собрались, товарищи, для того, чтобы поговорить о том, как идет подготовка к постановке спектакля по роману Михаила Александровича Шолохова «Поднятая целина».

Фоменко сделал небольшую паузу, посмотрел на Шолохова, по-

том на главного режиссера театра Энвера Бейбутова:

— Мы собрались, чтобы выслушать, как театр намерен реализовать свои замыслы, выслушать и учесть замечания и пожелания Михаила Александровича...

Михаил Александрович глянул на Фоменко, потом неожиданно

обратился к участникам встречи:

— Мы с моим другом Юрием Андреевичем Ждановым тут вот обменялись мнением... Вот ведь «беда», когда вопросы идеологической работы попадают в железные руки Михаила Кузьмича: берется он, конечно, цепко, с этакой, знаете, хваткой... И вот эту нашу беседу сразу хочет поставить на официальную ногу. Даже президиум есть!

– Можно и без президиума, – подхватывает Фоменко. – Ни-

чего не помешает разговору неофициальному.

— Вот-вот! — еще больше разряжает напряженность Шолохов. — Мне кажется, нам надо попроще поговорить. Мы иногда принимаем сугубую принципиальность... Я вообще официоз в творчестве не принимаю всерьез... Давайте попроще, уважительно и требовательно...

Михаил Александрович с первых мгновений сумел придать беседе действительно дружеский разговор и так просто себя повел, что создавалось такое впечатление, что он пришел в театр не говорить и обсуждать, а слушать других.

Главный режиссер Энвер Бейбутов за эти полторы-две минуты

совсем «пришел в себя» и спокойно начал:

— Собственно, я долго говорить не буду. Работу над пьесой мы начали. Весь коллектив одобрил инсценировку. Но нас очень волнует и тревожит то, как посмотрит на пьесу Михаил Александрович... Над пьесой мы пока работаем за столом, имея под руками два тома романа. Коллектив настроен творчески... Нам хочется услышать ваше мнение, Михаил Александрович, о композиции сценического варианта «Поднятой целины», ваши соображения о главных действующих лицах...

Писатель Александр Бахарев поинтересовался, распределены ли роли, известно ли, кто и кого из героев играет...

Ведущий предоставил слово А. Суичмезову как драматургу, тесно связанному с театром Горького, на сцене которого уже шли его пьесы.

- Я очень внимательно прочитал инсценировку Петра Демина. Суичмезов достал из коричневой папки несколько страничек, положил на стол, потом отодвинул их чуть в сторону. Конечно, невозможно воплотить на сцене роман в том виде, как он создан автором, но похвально настойчивое стремление коллектива театра поставить «Поднятую целину» на этой сцене. У театра свои законы. Особенности такого жанра, как пьеса, требуют своеобразного построения сцен и событий. Общее впечатление от пьесы хорошее. Драматург сумел бережно сохранить суть романа. Большая ответственность ложится на актеров, режиссера и художника, ведь вторая книга романа впервые в стране появляется на сцене.
- Химики могут анализировать то или иное явление с использованием едких химических реактивов, начал издалека профессор, ректор МГУ Юрий Жданов сын А.А. Жданова, которого Шолохов хорошо знал, и зять Сталина, которого Шолохов знал еще лучше! Думаю, что это смелая и ответственная задача инсценировать «Поднятую целину»... В целом это удалось. Тем не менее чувство некоторого сомнения у меня существует. Какого оно рода? Мне представляется, что инсценировка напрасно ограничена лишь второй частью романа. Создается впечатление некоторого разрыва судеб героев... От чего хотелось бы предостеречь театр? Условия инсценировки ограничены рамками. Это привело к тому, что произведение получает характер бытовой драмы, а это трагедия!

Главные действующие лица гибнут. Мы знаем, за что гибнут. При оптимистическом характере произведения эти трагические моменты пужно положить в основу...

Шолохов внимательно слушал ораторов, раза два перекинулся с Фоменко краткими фразами, которые зал не мог слышать... При всем уважении к Суичмезову и Жданову присутствующие потихоньку переговаривались, отпускали реплики... хотя все было в рамках приличия.

Только Михаил Александрович произнес первую фразу: «Мне не хотелось бы, чтобы наш разговор носил сугубо официальный характер», участники встречи мгновенно притихли и стали с неподдельным интересом прислушиваться к каждому слову Шолохова.

— Давайте говорить об искусстве. — Писатель уже завладел залом. — Я инсценировку всю не читал и замечаний по ней делать не собираюсь... Прочитал восемнадцать страниц, подумал, что нет надобности читать. Здесь не чувство авторской ревности, а закономерность чувства автора...

Михаил Александрович на несколько мгновений смолк, словно перебирая в памяти тяжкие годы рождения, гибели и возрождения «Поднятой целины», любимых до боли в сердце героев романа, слегка побарабанил пальцами правой руки по столу, чуть прищурил большие серо-голубые глаза... Далее он так повел беседу, словно рассуждал сам с собой, сверяя каждое слово с внутренним движением души. Шолохов не критиковал, не спешил дать советы, указания: он именно рассуждал:

— Тот или иной эпизод я мог бы создать по-своему... Я мог бы

сделать его не так... Я необъективен здесь...

Мне почему-то показалось в этот миг, что Шолохов внутренне не очень-то рад, что герои его романа станут ходить по сцене, говорить в зал то, что уже сказано в книгах... Хотя ведь десятки писателей не только в России, но и на Западе часто становятся звездами именно благодаря экранам кино и сценам театров... При этом критики взахлеб глаголят о второй жизни произведений: рассказов, повестей, новелл, романов... Внешнее состояние всего поведения писателя: спокойного, без высоких эмоций и улыбчивой радости, стало (по крайней мере, для меня!) логическим продолжением его откровенных размышлений:

— Я всегда уклонялся от перевода моих произведений на экраны и остаюсь при мнении, что прозаические произведения, как бы они ни были известны, не поддаются инсценировке или экранизации. Вспомните судьбу повести Фурманова. Фильм «Чапаев» задавил повесть. Происходит два процесса: либо фильм давит прозаическое произведение, либо вообще фильм выходит сам по себе... Я считаю, что книга «Тихий Дон» значительно лучше фильма. То же самое и с «Поднятой целиной». Другое дело — «Судьба человека»! Это — сценарий, это живая ткань для создания фильма, для экранизации... Нужны только хорошие артисты.

Тут Михаил Александрович сделал продолжительную паузу, словпо почувствовал какую-то внутреннюю неловкость, что говорит о своих произведениях... Мне казалось, что Шолохов все же продолжит разговор о «Поднятой целине», но размышления писателя поднялись выше конкретной инсценировки в конкретном театре. Шолохов говорил о настоящем искусстве:

— Театр — это большое искусство! Но только тогда, когда театр идет от жизни, от правды: не мелкой натуральной, а настоящей правды от народного большого искусства... Хорошим спектакль в театре может быть тогда, когда он стремится показывать жизнь, понимать ее корни. За последние десять лет я замечаю, как у нас в театрах почемуто стало традицией уходить от жизни... Вот иногда смотришь спектакль в театре или по телевидению, слушаешь по радио, как говорят артисты или артистки, и видишь, как это все неправдоподобно! На сцене все должно быть так, как в жизни. Театр отошел от жизни. Нельзя, чтобы был разрыв между сценой и реальностью бытия нашего. Если не веришь кинофильму, спектаклю — значит, это произведение не достигло цели: нет контакта со зрителем. Зритель понимает, что в жизни все это не так! Это происходит от того, что мы не приобщаемся к жизни.

М.А. Шолохов размышлял о театре, об искусстве и о жизни. Не говорил об инсценировке «Поднятой целины»... Но у меня в блокноте той поры сохранилась такая фраза между записей его выступления: «Говорит о театре вообще, но ведь это — прямые советы, как поставить «Поднятую целину» на ростовской сцене!» В зале - тишина; ненавязчивые слова Шолохова, как добрые семена, падают в

благодатную почву, волнуют души и сердца:

— Мы говорим о школе Станиславского и Немировича-Данченко. По словам же Панаевой, при крепостном праве не было школ, а пьесы ставились. Я не верю, что так бывает в жизни, когда вижу игру, слушаю... Как-то неестественно разговаривают на сцене театра или по радио. Это какой-то изысканный трафарет. Нельзя ли приблизиться к жизни, чтобы не было разрыва между рампой и зрителем. Я уже не говорю о том, что много серых, плохих пьес появилось. Драматическое произведение требует напряженной работы огромного коллектива и каждого актера в отдельности.

Я вспоминаю, когда Владимир Иванович Немирович-Данченко пришел ко мне: я жил в те дни в Москве. Как сейчас помню: подтянут, аккуратно подстриженная бородка... Прошелся по комнатке и говорит: «Напишите пьесу для художественного театра». Я сказал, что это не просто, что я не драматург. Он стал уговаривать: «Ну что вам стоит?»... Нет, не представляю драматурга, который мог бы за месяц написать пьесу!

Как Шолохов в любой ситуации умел чувствовать настрой собеседников! За долгие годы не раз приходилось наблюдать, как он ловко в нужный момент переводил беседу с одной темы на другую, вызывал новую волну интереса у тех, с кем общался. Он мог гово-

422

рить с Гагариным о космосе и тут же одной фразой — «на зорьке едем на рыбалку» — спуститься с небес на землю. Как говорится, чего ждали в зале, то и услышали:

- Вернемся к нашему разговору. Надо не отрываться от жизни, улавливать и видеть ее изменения. Раньше, скажем, казак, взявшись за чапиги, шел за плугом, а плуг этот не спеша тянули быки. Не спеша по вспаханному полю прыгали и грачи, охотясь за червями. Потом пахать стали с помощью трактора. Трактор движется быстрее, чем волы, и грачи стали быстрее поспевать за плугом... Надо поспевать за жизнью, быть наблюдательным.

- Как поставить «Поднятую целину?! - задает сам себе вопрос Шолохов и продолжает: - Надо понять главное, ради чего мы это делаем. Здесь Юрий Андреевич прав: ставить так, чтобы не получилось мелодрамы: Лушка, Макар... Я понимаю Ростовский театр: нужно выйти с какой-то своей пьесой. Для этого многое нужно. Прежде всего, чтобы не было неправдоподобия. А как это будет на сцене? Воплотит ли артист черты Макара, видит ли он Макара, знает ли таких людей, как Макар? Я бы считал, если вы всерьез беретесь, то артистам нужно побывать в казачьих хуторах, не сидеть в Ростове: надо видеть жизнь низов.

Шолохов не отделывается общей фразой «видеть жизнь низов», а ярко и образно переходит к деталям познания этой самой жизни:

– Вот такая, к примеру, бытовая подробность: походка казака. Раньше... работали на волах и лошадях, так и ходили медленно...

Михаил Александрович для пущей убедительности под улыбки участников встречи показывает, как казаки ходили за плугом, рядом с лошадью.

- Появился трактор: стали ходить быстрей. Сейчас походка совершенно изменилась. Я не хочу все уподобить внешней форме, но как-то надо поспевать за жизнью. А у вас ничего не меняется: человек на сцене все с теми же модуляциями...

Шолохов резко поворачивается к режиссеру театра Бейбутову, словно лично ему советует:

Вам надо посмотреть на казачек!

В зале сдержанный хохот: Бейбутов, по-моему, доволен таким неожиданным вниманием к его персоне, пытается поклониться в сто-

рону Шолохова, а он уже снова о женщинах:

 Каждая женщина хороша по-своему! Есть врожденная грация. Посмотрите, как казачка поправляет прическу, как мечет взгляд... И тут же - Нагульнов всегда со своей осанкой. Нужно, чтобы зритель видел эту прелесть на сцене. Надо суметь это все показать! А весь аромат этот трудно передать в условиях Ростова. Нужно, чтобы на сцене были живые люди... А то — школа, школа... Школа сама жизнь: если вы оторвались от жизни, то вам никто не поверит.

В ранней юности мне довелось прочитать рассказы Шолохова и роман «Тихий Дон». Поражался, что все написано нашенским языком, но с какой точностью подобраны слова, как выстроены фразы, предложения, какой поразительной силы разговорная речь! И на той встрече Шолохов не забыл о главном изобразительном инструменте

и писателя и актера: - Обратите внимание на язык, произношение, манеру говорить на Дону. В самом начале я злоупотреблял немножко говором... Но тут надо бережно сохранить мягкое южнороссийское произношение тысячелетий. Все это имеет существенное значение для общения со зрителем. Что еще хотелось бы посоветовать? Делайте добротно. Не стоит спешить (золотое правило, которому сам Шолохов следовал всю жизнь!), чтобы выйти к людям с недоноском. Материал для пьесы, для спектакля есть, а остальное — дело ваше. Донесете ли вы до зрителя аромат донской степи — это уже ваше дело, дело вашего таланта. Пьеса — это плод всего коллектива. Мне бы хотелось, чтобы у вас вышел хороший спектакль, с которым бы вы вышли на большую сцену. Действуйте без спешки, футбольной горячки. Искусство требует большого внимания...

Шолохов пристально смотрит на Фоменко, потом на артистов:

 Если будете делать все под таким руководством, надо, чтобы наш идеологический вождь пошел на какие-то затраты. Поезжайте в станицы и хутора, посмотрите на казаков и казачек. Можно поехать в Каменск, в Вешки и другие места. Нужно, чтобы вы присмотрелись к казачьим традициям в глубинке. Надо сохранить колорит речи, передать аромат быта казачьего... Это - мои добрые пожелания как автора «Поднятой целины».

Под аплодисменты, адресованные автору романа, М. Фоменко «полностью соглашался» с Шолоховым, что работать над инсценировкой надо без торопливости, нужно поразмыслить, повстречаться с писателями Виталием Закруткиным, Анатолием Калининым, создать спектакль, который был бы поставлен не только в Ростове, но и на всесоюзной сцене в Москве...

Заключительную речь идеолога партии прервал кто-то из артистов громкой репликой из зала:

- Михаил Александрович, а мы сумеем встретиться с вами в процессе работы над спектаклем?

Шолохов живо откликнулся: – Мне думается, что это наш предварительный творческий разговор для того, чтобы затем каждый из нас осмыслил его содержание по-своему. Очень много полезного в том, что говорил Александр Михайлович Суичмезов. Прав Юрий Андреевич Жданов в своих опасениях, чтобы инсценировка не переросла в бытовую драму. Нужно как-то коллективно обсудить. Нам надо еще увидеться, чтобы не получилось так, что вы сделаете спектакль, а он окажется негодным, мертворожденным. Здесь совершенно разные соображения. Мы все по-разному подходим к неиспеченному пирогу. Дорогой Юрий Андреевич смотрит со своей точки зрения: химическая реакция, она тоже

имеет зпачение, по если реакция будет пе в нашу пользу, то и Юрий Андреевич не уйдет от разговора, от участия в налаживании пужной реакции. Нам трудно судить. Здесь Александр Суичмезов ближе к судье: он, как драматург, более в этом деле сведущ, в этом виде искусства он ближе к театру... Может, мы соберемся: пишущие наши люди, журналисты, преподаватели, занятые в основном гуманитарными науками, все посмотрим и все обсудим. Больше встреч. Мне хотелось, чтобы хороший спектакль был. Я очень рад, что с вами встретился.

...Надо заметить, что спектакль «Поднятая целина» удался на ростовской сцене и с восторгом был принят в Москве. И не только на Дону и в столице, но и в других театрах страны. Столько лет минуло с той памятной встречи, а как свежи советы писателя актерам, как точно его определение предназначения театра и актеров. Публикую так пространно высказывания М.А. Шолохова с доброй надеждой, что мысли Шолохова через десятилетия дойдут и до тех, кто в наши дни и позже будет соприкасаться с бессмертными творениями М.А. Шолохова, чтобы вывести героев его произведений на сцену или на экран. Да разве только о шолоховских произведениях речь: гений России говорил и мыслил шире своего личного, хотя и огромного! - мира созидания! Право, стоит помнить о шолоховском взгляде на инсценировку и экранизацию любого произведения: будь то «Слово о полку Игореве» или новелла неизвестного молодого автора. Микаил Алексанавохандиновновного под изменяния же дотак и в изменя в дотак и в изменя и

енкономи дви атктобко отр. мынохопоШ 5 «конош Анатолий Калинин контвиру от датком образования от выполний калинин

тот самый марцель...

Пути приобщения к славе различны. Западногерманский журналист Марцель решил не обременять себя поисками наитруднейших. Взвесив свои способности, он рассудил, что ему предоставляется лишь единственная возможность добиться, чтобы отныне на него указывали пальцем: «Тот самый Марцель!»

Как известно, летом 1964 года по приглашению друзей из Германской Демократической Республики на немецкой земле побывал Ми-

хаил Александрович Шолохов. Чаржал метре ведоти доцов выд довог

Перелистывая страницы немецких журналов и газет, с удовлетворением отмечаешь то единодушие, с каким подошли к оценке этого визита серьезные органы печати самых разнообразных направлений и на востоке и на западе Германии. При этом, освещая поездку Шолохова по ГДР, они не умолчали ни об одной из тех подробностей, которые свидетельствуют о глубочайшем уважении выдающегося представителя советской культуры к созидательному гению немецкого народа. Ни о том, как Шолохов побывал в сельскохозяйственном кооперативе под